

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Эдит ГИЛЬБЕРТ

ТЛЕЮЩАЯ СИГАРЕТА

Поэзия Лилии Газизовой переведена на многие иностранные языки, но венгерскому читателю пока неизвестна. Сейчас она живет в Турции, где преподает русскую литературу в Эрджиевском университете. Прежде жила в Казани. Идентифицирует себя как русского поэта татарского происхождения.

Она известна также как переводчик татарской поэзии на русский язык и организатор Международного поэтического фестиваля имени Н. И. Лобачевского и Международного Хлебниковского фестиваля «Ладомир». В настоящее время завершила работу над сборником «Современный русский верлибр», который выйдет в одном из московских издательств. Десять лет назад большой резонанс вызвало ее эссе «Алкоголизм женского рода».

Лилии Газизовой принадлежат 15 сборников стихотворений, опубликованных в России, Европе и Америке за последние 25 лет. В последние годы она отдает предпочтение верлибру. В 2016 году в Казани появился ее сборник «Верлибры», хотя в него вошли не только образцы свободной поэтической формы. Наиболее репрезентативными являются сборники 2013, 2016 и 2019 годов — их объединяет концептуальная общность.

Газизова ведет дневник-блог под названием «Турецкий дневник», где фиксирует собственные переживания, наблюдения, а также события университетской жизни. Она отзывается о новом окружении сдержанно и доброжелательно, с уважением и смиренным гостем, считаясь с традициями и обычаями Турции и ментальностью людей, рядом с которыми живет и работает.

Эдит Гильберт (Венгрия) — литературовед, театральный критик, эссеист, компаративист; исследователь русского модернизма и современной литературы. Доцент кафедры теории и истории современной литературы Печского университета. Родилась в 1963 году. Окончила факультет русской и венгерской филологии Сегедского университета (1986), стажировалась в МГУ. Публикуется в венгерских, европейских и американских журналах на венгерском, русском и английском языках. Является редактором альтернативной истории мировой литературы: многоязычной интеркультурной-интерактивной гипертекстуальной сети «От периферии — к центру». Ее последняя книга о Бахтине, Чехове, Булгакове, Улицкой вышла в Москве под названием «Русская литература — опыт инопрочтения» («Три квадрата», 2019). Живет и работает в городе Печ.

Ее стихи хранят следы путешествий, впечатления от стран, где она побывала, в них присутствует турецкий колорит. Этот мир близок религии, языку, обычаям ее родного края. Турецкие и татарские слова и реалии часто встречаются в ее поэтических циклах, смущая иностранного, инокультурного читателя. Но эта особенность придает своеобразный экзотический оттенок ее поэзии, гармонируя с самобытным характером лирической героини, во многом близкой биографическому автору.

Нетрудно догадаться, какие загадочные места Стамбула («Турецкий дождь») или Казани («Время и пространство») описывает автор. В то же время стихи, посвященные детскому лепету дочки, ставят читателя в тупик: не сразу понятно, что означает название стихотворения, — или это одно из детских выражений, или некая местность в Казани, или имя дочери в дательном падеже: «Сююмбике».

Поэзия Газизовой во многом автобиографична и рефлексивна, в том числе метапоэзия. Стихи ее часто тематизируют сам процесс творчества. Характер, оживающий в строках, нередко удивительно притягательный, манящий, реминисцентно связанный с образами собратьев по перу. Так, в тексте упоминается поэт Корнилов. Следуя его совету, лирическая героиня все лето читает произведения Хлебникова. К сожалению, о результате (о возможном влиянии Хлебникова на свое творчество) уже невозможно узнать. Поэта не стало. Стихотворение «Не успела» отличает рефлексивное начало, метапоэтичная структура с гротескной кульминацией. «Метаморфоза» построена аналогично.

В чем притягательность поэзии Газизовой? Она чувствена, многоцветна, изящна, деликатна. «Нежная, искренняя, тонкая» — так высказываются о ней. Склонна к фиксации деталей, передаче изменчивых настроений. Автор свободно владеет различными художественными кодами, словно играючи переходя с одного на другой. При этом все творчество несет явный отпечаток пережитых разочарований, непонимания, разлук, грусти, траура. Стиль местами меланхоличен, но чаще ироничен, даже парадоксален. Автор то отдаляет, то приближает мир к себе через читателя и воображаемого адресата текста, к которому запросто обращается на «ты».

Легкость, сентиментальность, романтичность, многоцветность, игривость, внимание к деталям и предметам быта естественно подключают поэзию Газизовой к традиции русской лирики и, шире, к мировой женской поэзии. Русские критики отмечают новизну и оригинальный женский облик сотворенного ею мира. Сходные художественные принципы вообще характерны для авторов-женщин: и тематика, и игра с разновидностями регистров.

Анализируемый корпус поэтических текстов принадлежит предметной, объектной поэзии, в одном ряду с ними находится творчество Ахматовой, Цветаевой и Пастернака. В поэзии Газизовой, естественно, встречаются аллюзии, реминисценции из произведений предшественников. Она замечательно тонко рисует пейзаж, время дня, интерьер посредством отдельных материальных деталей, через их уникальность, конкретность, локальность, придавая всему произведению своеобразное, присущее исключительно ему настроение. Поэтически оправданным является и особая недосказанность, провоцирующая работу читателя по расшифровке текста. В стихотворении «Левое» загадочный сюжет позволяет рефлексировать по поводу того, что именно относится к «левой» и «правой» сторонам восприятия поступков, жизненных сфер лирической героини.

Лирическая героиня часто капризничает, высказывается энигматически, антиномично, парадоксально, противоречиво. Это обуславливает закономерности художественного мира, структуру поэтической формы, гармонирующую с формами поведения самой героини. Справедливости ради следует заметить, что зачастую однажды удачно найденное описание настроения или ситуации подвергается авторскому тиражи-

рованию, что приводит к навязчивым и неоправданным повторам. Такое пристрастие к «автоцитации», с одной стороны, словно нанизывает стихи на общий стержень, служит своеобразным стержнем всей лирики, но с другой — избыток подобных внутренних реминисценций оказывается избыточным. Особенно это касается авторского увлечения однотипными синтаксическими конструкциями (однородные члены), грамматическими формами (инфинитив) и даже знаками препинания (многоточие).

Несмотря на некоторую манерность и вторичность отдельных текстов, критики и редакторы признаются, что ожидают от Газизовой многого. Крайне любопытно, в каком направлении будет развиваться ее поэзия. Пытаются предсказать, какую новую форму выражения избрет ее эмоциональность, чувственность и сочувствие миру, на каких сферах наблюдений и рефлексий задержится ее поэтический взор.

Можно предположить, что ее внимание привлекут новые предметы во всяком измерении бытия. Ее сочувствие к людям («Показалось», «Пар» из «Верлибров»), интерес к феноменам природы и культуры, точные и тонкие наблюдения над тем, что происходит вокруг, рождает надежду на охват еще не увиденных, не освоенных ею территорий существования.

Ее стихи-обращения адресованы людям, которых встречал автор. Они свидетельствуют о том, как поэтесса взаимодействовала с другими космосами. Социальность, сочувствие и в то же время выражение почти беспредельного одиночества, меланхолии, безысходности; способность радоваться всему происходящему и всем сотворенным существам на свете и одновременно, в соседнем тексте, описание беды или непонимания. Мы следим, как мечется и блуждает лирическая героиня, пребывая в разных ипостасях, не желая быть собой, той, кто она есть: кем угодно, только не Лилией Газизовой.

Для поэзии Лилии Газизовой характерны беспредельная нежность и восприимчивость всего, что есть на свете, заинтересованность в мелких играх мироздания. Особенно трепетно изображается дорогой человек через его солидарность с хрупким миром, через его страсти, влюбленность в «обгрызенные карандаши / и ластик .../ В стареющего трактирщика.../ В честные шаги человека... /А еще — в беззащитные свойства фарфора...» («Бог создал влюбленным тебя...»).

Люди и отношения описываются на языке математики («Любовь и математика»), шахмат, сновидений. Цикл «Люди февраля» рисует образы усталых, грустных и одновременно веселых, капризных людей: «Они покупают билеты / В один конец...» Стихотворение «Тот день» построено на логике риторических вопросов: «О чем думала эта женщина, / Сорокалетняя и счастливая, / Скрывающая от всех / Свой возраст, / Названия любимых книг / И фильмов». В финале (в скобках, в форме предсказания) появляется смутный, неясный намек на темное будущее: «Пусть бежит / В своем любимом платье, / Пусть не знает будущего / (Оно всегда безутешно.) / Пусть навеки счастлива / В том дне». Это — любимый прием поэтессы, отсылающий к бессмертным строкам Пастернака: «И дольше века длится день, / И не кончается объятье». Для Газизовой характерно непрестанное желание сохранить день навеки, вытеснить его за пределы человеческой памяти.

В книге «О летчиках Первой мировой и неконтролируемой нежности» есть стихотворение об утешении, адресованное погибшему мужу, поэту Андрею Новикову: «Я жду утешных дней, / Когда слова вернут себе / Значения исконные». Цикл «Касабланка» наполнен описаниями ложной надежды, томящей пребывающую в трауре лирическую героиню, перепадов дневных и ночных настроений и заканчивается неизменным, однако неосуществимым желанием — быть кем угодно, хоть «Всеми собаками мира... / Лишь бы не / Лилией Газизовой».

Образ лирической героини точно воспроизводит биографические данные поэтессы (имя, фамилия), детали внешнего облика (рыжие волосы, вечные перчатки), описанные обстоятельства также совпадают с событиями жизни автора.

В открывающем цикл «Капризничай, сынок» одноименном стихотворении последняя строка совпадает с заглавной, закольцовывая главную мысль. Это короткое стихотворение вобрало широкий эмоциональный спектр — от капризов сына до утешений матери и ее собственных капризов. Подобная эмоциональная напряженность чувствуется и в загадочном, энигматичном «Вить на дерево», посвященном неконтролируемой нежности и страсти космического масштаба.

Встречаются стихи повествовательного характера. В одном из них описан очередной каприз: получив линзы, героиня выбрасывает очки, но не может избавиться от неосуществимой мечты иметь чудесные, небывалые «бифокальные и сферопризматические» очки.

В стихотворении, посвященном детям, лирическая героиня старается привести в порядок их комнаты, робко прикасаясь к их джинсам, фантикам от конфет. В другом пытается постичь философию осени, разглядывая летние туфли. В небольшой поэме о Сашеньке, возможно навеянной собственным медицинским опытом автора, испытывает сочувствие к толстому ребенку. Времена года, состояние природы, погода являются традиционным фоном для философских раздумий: «И день никогда не кончатся. / А день никогда не кончатся. / Хотя бы сегодня». В «Сумерках» «мир увядает ромашкой». Девочка считает вагоны поездов, которые не останавливаются на маленьких станциях. Получает ключи от города К. («Ключ»), где, вспоминая «смычки и пуанты / Печального детства», трогает старинные стены.

Желания и надежды лирической героини почти сбываются в последних произведениях цикла «Все к лучшему»: «Я точно знаю, / Что рождена для счастья». Завершает книгу цикл «Буду смотрительницей маяка». Его начало изобилует излюбленными автором инфинитивами: «красться», «вглядываться», «спать», «не спать». Потом следует энергичный императив: «Пусть длится этот день». А затем потаенное и выстраданное: «Возлюбленный и мертвый / Муж мой!» И мечта опять «встретиться»: «Отложить в памяти тот день — / Причудливый и неясный, / Таящий больше, чем явлено было, / И написать, наконец, стихотворение». Книга заканчивается описанием разных форм взаимоотношений между женщиной и мужчиной. Одна из них: смиренная жена смотрителя маяка, и он сам, увы, отступивший на второй план.

Стихи из книги «Люди февраля» повторяются в сборнике, о котором говорилось выше. «Люди февраля» начинаются циклом «Канафер» и заканчиваются циклом, одноименным с заглавием книги. Здесь все те же привычные приметы авторского идеала: мельчайшие предметные детали (например, сувенирные магнитики на холодильнике), энергичный императив (в стихотворении «Не бить!» лирическая героиня заявляет: «Доверчивых надо бить!»), антонимичные понятия («Правда и ложь»). В стихотворении «У дверей» говорится об умершем отце, который будет ей звонить «оттуда». Схожий мотив встречается у венгерской поэтессы Лилли Турбуль.

В «Попытке киносценария» изображены «молчаливый старик / (О нем все забыли)» и серая кошка, которую «никогда не задавит машина, / Она умрет тихо во сне». Настроение и чувства героини привычно переданы через описания предметов и окружающих реалий: развалин, частей тела — пальцев, рук («Твои руки»), бровей, кожи. Даже через животных («Дельфин»): самоощущение героини уподоблено поведению дельфина, спасающего человека, который уплывает от него. А в строках: «Ты снова приземлилась / На четыре лапы, / Душа моя», видимо, кошка становится метонимически-метафорическим образом героини. В стихотворении «Мой спутник» ту же роль играет щенок. Посуда, подпрыгивающая на столе, цветы, встрепенувшиеся в «Засу-

шенном букете», — любая мелочь служит толчком к поэтическим раздумьям о законах мироздания. В стихотворении «Не глупо» звучит жизнеутверждающее признание о том, что каждый должен улыбаться ей — ведь она «рождена для счастья».

«Мне ни за что не выучить / Твой язык» — верлибр о паре, где оба писатели, и она капризничает и жалуется, что никак не прочтет его книг, хотя и фигурирует в них, и цинично предлагает выдумать для их истории плохой конец, чтобы книги хорошо продавались. О языковых, коммуникационных недоразумениях идет речь и в других стихах, например в очень коротком стихотворении «Заблудилась / В словах / Твоих». Она рассказывает о тревоге, вызванной его очень поздними телефонными звонками, о жалости к ней в детстве, выражавшейся в слове «Дюймовочка», об одиночестве как о губке...

Плавание, озноб, влага, раздвигание горизонта — характерные жесты этой поэзии: «Пусть длится этот день. / В нем мало вздора». Этот день остается все-таки нестабильным, грустным, переменным. Нельзя уже передать другому перстень, потому что мы уже не существуем друг для друга.

Многие, кто пишет о творчестве Газизовой, уделяют особое внимание ее опусу «Одинокая сигарета». В нем раздумья о том, почему в пепельнице оставили недокуренную сигарету: «Куда спешил человек, / Что не дотушил ее; / Почему не докурил; / Почему бросил все на свете, — / А иногда сигарета и есть все на свете, — Чтобы оказаться в ином месте». Этот предельно материальный и в то же время символический образ в полной мере способен передать неуловимую атмосферу поэзии Лилии Газизовой — наполненную меланхоличностью, философичностью и эстетизмом.